

Филологические
и исторические науки,
археология
и искусствоведение

Philology
Archaeology
World History
Art History

Университетский научный журнал

Humanities and Science
University Journal

№ 33 (2017)

Религиозная политика Российской империи в казахской степи в период XVIII–XIX веков¹

С. И. Ковальская

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

С. В. Любичанковский

Оренбургский государственный педагогический университет, Россия

Religious Policy of the Russian Empire in the Kazakh Steppe of the 18–19th Centuries

S. I. Kovalskaya

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

S. V. Lyubichankovsky

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Ключевые слова:
религиозная политика, Российская империя, казахская степь, ислам, аккультурация.

Keywords:
religious policies, Russian Empire, Kazakh steppe, Islam, acculturation.

Статья посвящена анализу этапов религиозной политики Российской империи по отношению к казахам-кочевникам в XVIII и XIX вв. Характеризуются особенности каждого этапа, трансформация представлений представителей власти в понимании ислама как инструмента в реализации государственной политики собирания подданных под эгидой империи. Для анализа привлечены опубликованные документы, посвященные изучаемому вопросу, — от указов Высочайшего повеления до отдельных записок, отчетов и представлений государственных чиновников различного уровня. Авторы проследили, как от политики стимулирования и распространения ислама среди казахов имперская власть перешла к политике сдерживания и запретов.

The article presents the results of a research of the stages of the religious policy of the Russian Empire in relation to the nomadic Kazakhs in the 18th and 19th centuries. The article describes the characteristic features of each of the stages and the transformation of the perceptions of the government officials in understanding Islam as an instrument of implementing the state policy aimed at the incorporation of nomads into the fold of empire. The analysis features relevant published documents ranging from the documents of the Supreme Order of the Emperor to personal note-taking, as well as reports and presentations by government officials at various levels. The authors analyse the changes in the religion policy of the Russian Empire from the policy of stimulating and spreading Islam among the Kazakhs to a policy of containment and prohibitions.

¹ Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008)

Политику Российской империи в отношении ислама у казахов в изучаемый период можно разделить на этапы, каждый из которых характеризуется рядом особенностей. Обратимся к некоторым авторам, которые предложили собственную периодизацию распространения ислама у казахов и влияния России на данный процесс. Так, в коллективной работе «Россия, Запад и мусульманский восток в колониальную эпоху» было выделено три периода влияния имперской власти на ислам: 1. 40-е гг. XVIII в. В то время как в целом политика государства по отношению к исламу и мусульманам оставалась достаточно противоречивой, ее реализации в отношении казахов в начальный период присоединения Казахстана к Российской империи не наблюдалось; 2. Вторая половина XVIII в. — царское правительство активно поддерживает ислам и способствует внедрению его среди казахов, посылая в казахскую степь мулл и проповедников в основном из числа татар. Теперь распространение мусульманской культуры среди казахов шло не только традиционно с юга, но и с севера. Причем необходимо сразу отметить, что власть старалась всячески препятствовать влиянию среднеазиатских мулл и ишанов на казахов, чиня различного рода препятствия; 3. XIX в. — ограничение распространения и влияния ислама в степи. Начала проводиться запоздалая христианизация путем крещения и русификации степных кочевников [10, с. 21–22].

Этапы распространения ислама у казахов также выделены С. И. Ковальской: 1. VIII—XII вв. — в результате арабских завоеваний происходит смена религиозной парадигмы на значительной территории Казахстана; 2. XIII—XVIII вв. — широкое распространение суфизма на территории Казахстана; 3. XVIII — начало XIX вв. — наблюдается спад религиозной активности региона, Российская империя покровительствует исламу; 4. XIX — начало XX в. — активный рост религиозной активности казахов [6, с. 23–24].

Первоначально все законодательные акты, имеющие отношение к исламу, были направлены на всех мусульман империи. С момента вхождения казахских земель в состав Российской империи первый законодательный акт общего плана, который касался вероисповедания всего населения государства, назывался «Наказ, данный Комиссии о сочинении Нового Уложения 30 июля 1767 г.». Он преследовал цель объединения всех народов, вошедших в состав империи, в единое государство путем предоставления свободы вероисповедания: «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону измягчает и самая жестоковыйныя сердца и отводит их от заматерелого упорства, утушая споры их, противныя тишине Государства и соединению граждан» [8, с. 44, 45]. 17 июня 1773 г. вышел Указ Синода о терпимости всех вероисповеданий, в котором говорилось: «... как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество (Екатерина II) из тех же правил, сходяствуя Его Святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтобы между подданными Ея Величества всегда любовь и согласие царствовало...» [15, с. 45]. Императрица проводила политику конфессиональной толерантности. Правительство Екатерины II принимало активное участие в выпуске и распространении исламской священной книги — Корана, открытии религиозных школ — мектебов, исламских вузов — медресе [17, с. 235]. 21 декабря 1797 г. вышел указ «О разсылке напечатанного на

Арабском языке Алкорана для продажи в те Губернии, где населены народы магометанского исповедания» [14, с. 59]. В 1767 г. в наказе Уложенной комиссии Екатерина II признала «пороком» притеснение ислама и иных неправославных религий.

Пример татарского населения как Поволжья, так и Западной Сибири как законопослушных исламских подданных привел к тому, что правительство Екатерины II выделяло огромные суммы для проведения миссионерской работы ими среди кочевников-казахов. Императрица писала в связи с этим сибирскому и уфимскому генерал-губернатору О. А. Игельstromу, что «построение там для главнейших родов мечетей, школ... весьма полезно и нужно. Снабдение разных родов киргизских муллами немалую пользу в наших делах принести может» [17, с. 237]. Одним из первых шагов в реализации политики Екатерины II явились указы от 8 июля 1782 г. и 2 мая 1784 г. о строительстве мечетей. Предполагалось, что создание специальных мест для публичной молитвы привлечет казахское население в «близости кочующих или обитающих на границах наших, а сие может послужить со временем способом к воздержанию их от своевольства лучше всяких строгих мер». С момента издания указа за четырехлетний срок были построены четыре мечети: одна в Оренбурге около менового двора «из-за близости пребывания ханом Младшего жуза — Нуралы», вторая — в Верхнеуральске «по случаю расположения кочевков знатных старшин против Верхнеуральской дистанции», третья в Троицкой крепости для приобщения казахов «к непрерывному приезду ... на торг», четвертая в Петропавловской крепости «в виду близости пребывания хана Средней орды — Вали». Можно признать, что до 70-х гг. XVIII в. правительство не вмешивалось в духовную сферу казахов, но различными путями подталкивало казахов к более активному исполнению различных мусульманских практик.

Причисление казахов к мусульманам, а также уже непосредственное вмешательство правительства в сферу ислама у казахов (в основном Младшего жуза) относится к 21 апреля 1787 г., когда вышел указ, поручающий барону Игельstromу снабдить казахов потребным числом мулл. В некоторой степени духовные дела казахов теперь вошли в сферу деятельности светской власти и находились под ее контролем. По указу следовало сохранять мирное сосуществование, не нарушающее целостности единого государства: «что настоящее их положение, соблюдение общего покоя и тишины, и сохранение к Нам подданнической верности и повиновения, суть единые средства, удобные вознести народ сей на верх блаженства и удостовериться вящего Нашего покровительства и благоволения». Но теперь уже правительство добивается цели путем вмешательства в религию, а именно «стараться снабдить их потребным числом Мулл из людей достойных известного поведения и в верности испытанных, каковых можно иметь из Казанской Губернии по сношению с тамошним Генерал-Губернатором» [13, с. 49]. Указом от 22 сентября 1788 г. в Уфе было учреждено магометанское духовное собрание. Другим указом от того же числа на место его председателя был назначен татарин М. Хусаинов, занимавший прежде должность ахуна Оренбургской пограничной комиссии. Таким образом, по указу Екатерины II был создан государственно-религиозный орган, в деятельность которого входило руководство мусульманскими

общинами России, включая и присоединенные территории Центральной Азии, в том числе и казахскую степь.

Содержалось это учреждение за государственный счет. Круг обязанностей духовного собрания состоял в приеме экзаменов у претендентов на должность муллы, отборе среди них «благонадежных» лиц, выдаче разрешений на строительство мечетей, контроле над деятельностью мусульманского духовенства. Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) строго контролировалось властями, о чем в указе сказано: «Дабы отправляемые в Духовном Магометанского закона Собрании дела производились законами определенным порядком, прокурору верхней расправы иметь наблюдение над производством и течением оных» [9, с. 33]. Создав из российских мусульман специальную управленческую структуру, правительство окончательно признало ислам в качестве терпимой веры, рассчитывая на активное участие духовного собрания в своих внешнеполитических акциях в Казахстане и Средней Азии, и одновременно взяло под контроль духовенство, фактически поставив его на государственную службу империи. Это была попытка сформировать в стране официальное мусульманское духовенство по синоидальному принципу, то есть по образцу православной церкви, с четкой иерархией. Оренбургское духовное собрание задумывалось как орган, главной функцией которого было проведение среди мусульман проправительственной линии, нацеленной на продвижение российской государственности в Казахстан и далее в Среднюю Азию.

По всем делам «духовной части» собрание обязано было постоянно и подробно отчитываться перед местной и центральной властью. Так, всю информацию о браках и разводах среди мусульман, а также взимании калымов оно должно было доводить до сведения Главного управления духовных дел иностранных исповеданий (позднее — Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел). Под давлением властей оно принимало постановления, запрещавшие религиозным служителям применение тех положений шариата, которые явно противоречили законам Российского государства. Эти запреты в основном касались системы наказаний за нарушение норм морали, предусмотренных мусульманским правом [9, с. 34].

Уфимский муфтиат направлял мулл в казахскую степь. Такие муллы получили название «указных». Они были ответственны за грамотное отправление мусульманского культа и религиозное обучение детей кочевников, что особенно контролировалось муфтиатом. Способ отбора муфтиатом кандидатов на должность мулл, в том числе и «указных», привел к тому, что появилось понятие «неуказной» мулла. Даже было издано распоряжение: мулл указных вывести «за штат». Это было первое в истории России разделение ислама на мечетный и немечетный, официальный и неофициальный. Всем, кто по тем или иным причинам не попадал в число указных мулл, — не имел средств доехать до Уфы или по политическим соображениям не хотел связываться с русской властью, — пришлось перейти к полуподпольной деятельности [9, с. 35]. Муфтиату были подведомственны все религиозные дела номадов в казахской степи, а также он координировал миссионерскую деятельность татар. Ч. Ч. Валиханов с критикой относился к членам муфтиата, созданного российской властью:

«...К самому муфтию, этому высшему мусульманскому духовному лицу в России, нельзя иначе обращаться с просьбой, как положив деньги в прошение» [2, с. 100–101].

Пока в степи действовали «указные» муллы, правительство готовило на такую же должность людей из числа коренного населения. Казахи, получившие образование в медресе Оренбурга, Казани, Уфы, назначались правительством на должности для проведения с их помощью своей политики в степи.

Конфессиональная политика в степи в период XVIII — начала XIX вв. проводилась правительством с тем расчетом, что ислам, являющийся религией монотеистической, может стать эффективным средством преодоления родоплеменной розни и объединения кочевников в интересах единой российской государственности, формирования из них действительно верно-подданных русского царя. В этом и заключалась суть аккультурационной политики имперского правительства данного периода.

Кроме отправления религиозных культов духовенство руководило сферой образования мусульман, осуществляло судопроизводство по брачным семейным и наследственным делам. Екатерина II рассматривала мусульманское духовенство как важный субъект российской политики в упрочении своего влияния в казахской степи. Этому способствовали и внешне-политические обстоятельства, а именно перемена в русско-османских отношениях в результате присоединения Крыма (1783 г.), необходимость развития экономических связей со странами Средней Азии. Реализации политического курса Екатерины II, выполнение вышеуказанных, традиционных специфических функций было возложено на мусульманское духовенство татарского и башкирского народов, как давних подданных Российской империи, имевших большой опыт работы в аппарате управления, неоднократно проявлявших себя «благонадежными» и «верными» на службе России. Более того, татарские и башкирские муллы должны были пресекать влияние среднеазиатских мулл в казахской степи [12, с. 103]. Знание языка, обычаев, бытовой культуры казахского народа, принадлежность к одной конфессиональной системе, наличие исторически сложившихся культурных взаимодействий с юго-восточными соседями позволяло представителям татарской диаспоры выступить в роли посредников в ходе проведения политики интеграции казахского общества в состав Российской империи. Свидетельством осуществления посреднических функций муллами между правительством и казахской знатью является факт инкорпорации их в аппарат управления в степи.

В 1800 г. было разрешено печатать без ограничения мусульманскую религиозную литературу, чем и занялась специально открытая для этого Азиатская типография при Казанском университете. Свидетельством проникновения ислама в казахскую степь и влияния мулл является и появление в начале XIX в. ходатайств о разрешении использовать в судебной практике нормы шариата «для разбора междоусобных дел». Правительство не разделяло это мнение казахской знати и считало, что внедрение среди казахов норм шариата затруднит «усвоение (ими) начал общего государственного порядка» [12, с. 109].

С этого периода, поставив ислам под свой контроль, правительство через него пытается распространить контроль и на подчиненное ему

казахское население. Например, создание особого слоя мусульманского духовенства, которое будет подотчетно власти, а также ограничение числа мулл, признанных в этом звании правительством, позволит удобнее вести надзор за их деятельностью [11, с. 279–280]. Показателем использования мусульманского духовенства при проведении государственной политики России в Казахстане является тот факт, что Оренбургский муфтий составил 12 фетв на арабском и татарском языках о пользе земледелия для мусульман с тем, чтобы они были прочитаны во всех мечетях Оренбургского округа. Вследствие претворения в жизнь ряда законодательных актов мусульманское духовенство стало партнером властных структур и оказалось вовлеченным в орбиту внешней и внутренней политики Российского государства.

Контроль за деятельностью назначаемых мулл, организация духовных учреждений была разрешена только с ведома созданного правительством и подотчетного ему Оренбургского магометанского духовного собрания. Подтверждением служит случай в Семипалатинске в 1835 г., по поводу которого вышло положение Комитета Министров «О предоставлении приезжающим в Семипалатинск Азиатцам права испрашивать по духовным их делам разрешения от гражданского начальства». Причиной составления положения послужило открытие двух мечетей в Семипалатинске, построенных муллами из Ташкента и Бухары. По указу от 22 сентября 1788 г. определение мулл и постройка мечетей в казахской степи должны были осуществляться только с утверждения Оренбургского магометанского духовного собрания, которое, узнав о двух мечетях, функционирующих без его ведома, и о том, что там проповедуют среднеазиатские муллы, решило этому воспрепятствовать. Дело разрешилось тем, что власть позволила функционировать этим мечетям только из-за того, что с ташкентцами и бухарцами велась выгодная торговля [4, с. 113].

Манифестом от 25 июля 1810 г. было учреждено Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, впоследствии — Департамент духовных дел иностранных исповеданий (с 1832 г). Его возглавил обер-прокурор Синода князь А. Н. Голицын, стремившийся в своей деятельности «объединить последователей всевозможных религиозных учений на почве общечеловеческих нравственных задач» [9, с. 46]. Указом Александра I от 19 апреля 1819 г. в составе Министерства иностранных дел был учрежден Азиатский департамент, а 26 января 1820 г. в его составе был образован Азиатский комитет, главным предметом занятий которого «были дела киргиз-кайсаков, умиротворение их раздоров и постепенное подчинение их русской власти».

С 1817 г. правительством учреждаются Министерства духовных дел и народного просвещения, первое из которых включает в себя все дела, связанные с духовными деятелями (муфтиями, муллами), мечетями, вводя их под свой контроль [7, с. 70–71]. Указом Правительствующего Сената от 21 сентября 1828 г. муллам, подведомственным Оренбургскому духовному собранию, было вменено в обязанность вести метрические книги. Однако в казахской степи не было достаточного количества мулл, записи производились при городских мечетях и то далеко не регулярно.

Казахи-мусульмане имели возможность осуществить одну из пяти главных обязанностей истинно верующего — совершить паломничество

в Мекку. Для этого они должны были обратиться в областное управление для получения охранительных или заграничных билетов. В делах о выдаче таких документов лицам, выезжающим за границу по торговым делам, встречаются и разрешения для паломников-мусульман. В 1843 г. был определен порядок совершения хаджа мусульманами Оренбургского ведомства. Желаящий отправиться в Мекку должен был получить справку о благонадежности от местного начальства и заручиться поддержкой сельского общества [9, с. 55].

В начале XIX в. российская власть усиливает полицейско-административный контроль за религиозной жизнью в кочевьях. Это было связано с тем, что в этот период в казахской степи появляется немало кокандских и бухарских религиозных деятелей. А. К. Гейнс писал по этому поводу: «... Совершенно же утвердили в магометанстве киргиз поселившиеся среди них толпы магометан из соседних среднеазиатских ханств Хивы, Бухары и Коканда, постоянно стремящихся поддерживать среди киргиз всеми способами магометанство, а вместе с тем и собственное влияние в видах торговых и политических» [17, с. 238]. Среднеазиатские миссионеры пропагандировали антироссийские лозунги. Царская власть пошла на то, что стала отлавливать таких пропагандистов и высылать их из степи, хотя местное население, в том числе и «указные» муллы, прятали их от властей. К тому же к этому времени стал очевиден формальный характер утверждения царской властью «указных» мулл. Такая противоречивая и тревожная религиозно-политическая ситуация в степи потребовала проведения соответствующих реформ, которые полностью поменяли умеренный курс религиозной политики на более радикальные меры.

Таким образом, с 1787 г. вплоть до середины 60-х гг. XIX в. правительство в отношении ислама у казахов проводило политику его распространения и покровительства, но не затрагивало каким-либо образом традиционных верований казахов. На этом этапе правительство пыталось сделать ислам одним из орудий управления подчиненным ему казахским населением, которое проживало на территории Младшего и Среднего жузов. Сущность религиозной политики этого периода была двойственной. Она заключалась в безусловной терпимости к духовно-религиозному быту кочевников и утверждению среди них мусульманской веры, а также в законодательную базу входили указы, которые прямо или косвенно ущемляли права мусульман. Об осуществлении цели по распространению ислама свидетельствует Ч. Ч. Валиханов. Оценивая сложившуюся в степи ситуацию, он писал: «Кайсаки были за 20 лет перед сим до введения русским правительством (окружных приказов) правоверные по имени. Они по-прежнему усердно продолжали свои шаманские обряды и заклинания и чтили баксу, служителя духам... Но теперь уже совсем не то: в короткое время, с открытия первых округов в 1822 году, ислам благодаря заботам правительства сделал чудовищный прогресс. В каждом ауле есть мулла и подвижное медресе — школа; кто не содержит тридцатидневную уразу и пятивременный намаз, тот не имеет голоса и уважения родичей» [1, с. 302, 303]. Конфессиональная политика российского правительства с завершением присоединения казахских земель продолжала достижение цели, продекларированной при Николае II графом Нессерольде, — установления «желаемой тишины и спокойствия, а через это самое установление —

безопасных торговых путей для распространения торговли с Западным Китаем, в особенности с Кашгарией и с частью Средней Азии [9, с. 57].

В середине XIX в. правительство начало пересматривать свое отношение к исламу на окраинах империи. Ислам из умиротворяющей религии с посреднической функцией на юго-восточных рубежах государства приобретает образ политического конкурента и идейного противника. В отношении казахской степи, где еще активно продолжалась административно-политическая интеграция в состав империи, у правительства не сложилось программы последовательных действий. «В русской имперской политике, — считает Е. И. Воробьева, — стал доминировать принцип государственного единства России, который связывался с идеей национального государства. Это предполагало “приобщение инородцев к русской государственности и русской цивилизации”, а в перспективе — их слияние с русскими» [3, с. 40–55]. Мы согласны с автором данного тезиса, так как с этого периода собственно и начинается период имперской аккультурационной политики, ставившей себе задачей формирование верноподданических чувств у тех, кто еще вчера не являлся таковым.

Администрация высшего и среднего уровней в силу слабого знакомства с местными обстоятельствами часто просто не знала, как поступать по отношению к религии в кочевом и полиэтничном обществе и как реагировать на усилившиеся слухи о «мусульманском фанатизме». Например, в середине XIX в. распространилось убеждение о враждебной деятельности в среде кочевников татарского и среднеазиатского духовенства, которое нагнетает путем религиозной пропаганды неприятие российской власти. Поэтому все чаще зазвучали призывы ограничить различными правительственными мерами распространение ислама среди казахов.

В этот период и возникла идея противостоять влиянию татарских мулл посредством русификации и христианизации мусульманских народов. В 1866 г. министр народного просвещения граф Толстой писал, что «просвещать инородцев надо постепенно, сближая их с русским духом и Россией. Это ... задача великой политической важности в будущем». Исходя из этого, в 1866 г. при Казанском учебном округе был создан комитет по образованию нерусских народов страны во главе с попечителем округа П. Д. Шестаковым. В комитет вошли Н. И. Ильминский и Е. А. Малов. Нерусское население по степени обрусения и в религиозном отношении было поделено на несколько групп, казахи и башкиры составили четвертую группу, потому что они «магометане слабые, на первой ступени магометанства. Едва ли среди них христианская миссия встретила бы упорное сопротивление, поэтому их не следовало бы приближать к фанатично-магометанскому духовенству из татар. При отдельных школах есть надежда, что христианские идеи могут постепенно проникать в массы через посредство правильного преподавания» [12, с. 112].

Свою систему просвещения нерусских народов предложил Н. И. Ильминский (1822–1891), профессор Духовной академии и Казанского университета. Важное место в его программе отводилось языку нерусских народов, через который можно прийти к христианизации. Его оппонентом выступал священник Баратынский, который считал, что введение «инородческих языков» в систему обучения нерусских народов может послужить стимулом к развитию их национального самосознания, поэтому

необходимо сразу было переходить к изучению русского языка. Эти два противоположных взгляда на ситуацию подтверждают отсутствие единства не только среди интеллектуальных кругов, но и среди правительственных чиновников в понимании того, насколько были необходимы русификация и христианизация казахов.

В 1852 г. оренбургский генерал-губернатор Перовский предписал ОмДС не вмешиваться в духовные дела казахов как лиц посторонних для его ведомства [5, с. 7]. 21 октября 1869 г. император Александр II утвердил «Временное Положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях», которое наряду с административными реформами имело специальный раздел «Об управлении духовными делами киргизов». Оно изъяло кочевое население степи из ведения Оренбургского магометанского духовного собрания, что по замыслу законодателей должно было ограничить влияние татар на религиозную жизнь номадов. С этой же целью в степных областях был ликвидирован институт «указных» мулл. Отныне заведование духовными делами кочевников закон поручал муллам, избранным самими казахами. Эти муллы передавались в ведение так называемого «общего гражданского управления», а через него — Министерству внутренних дел. Степное положение устанавливало порядок утверждения мулл в своих должностях и отстранения от них. На каждого избранного муллу составлялся «общественный приговор» жителей прихода. Он должен был передаваться уездному начальнику, который после его изучения направлял приговор в областное правление, где готовились соответствующие документы для подписи военному губернатору соответствующей области, уполномоченному утверждать кочевых мулл в их должностях. Лишь после подписи губернатора мулла считался официально вступившим в должность и об этом делалось сообщение в областной газете.

Закон устанавливал обязанность уездных начальников принимать «общественные приговоры» избирателей и передавать их в областное правление. Однако по скрытому замыслу законодателей уездные начальники стали основными фигурами в избирательном процессе. Закон предписывал, что уездные начальники должны были принимать «общественные приговоры» об избрании мулл, но не обязывал их передавать все без исключения такого рода приговоры в областное правление. Уездные начальники могли вернуть приговор назад по самым разным причинам — на то у них всегда был широкий выбор возможностей, но главной причиной обычно оказывалась «неблагонадежность» избранного муллы.

Степное положение 1868 г. устанавливало избрание только одного муллы на волость. Оно возлагало обязанности по содержанию мулл на избравшие их кочевые общества. Если ранее «указные» муллы освобождались от уплаты различных податей и сборов, то теперь избранные муллы возвращались в податное состояние. Однако закон допускал возможность уплаты податей за мулл их избирателями при условии принятия соответствующего «общественного приговора». Если ранее каждая мусульманская община могла на свои средства построить мечеть, не испрашивая на то разрешения властей, а лишь уведомляя их об этом, то степное положение устанавливало, что «возведение мечетей дозволяется только с разрешения

генерал-губернатора». Закон возлагал обязанности по содержанию мечетей и находящихся при них религиозных школ — мектебов — на кочевые сообщества, но с запретом принуждать платить тех, кто не хотел этого делать. Степное положение запрещало учреждение вакуффов, на доходы от которых могли бы содержаться мечети и мектебы, тем самым осложнялась задача кочевых сообществ по их материальному обеспечению. Закон устанавливал право мулл преподавать в религиозных школах, но только с разрешения уездного начальства [17, с. 239–240].

Временное положение 1868 г. запрещало использование татарского языка в администрации. Кроме того, правительство приняло еще ряд мер, которые должны были усилить «антитатарскую» политику и одновременно приостановить или по крайней мере притормозить исламизацию казахов.

После административных преобразований 1882 г., когда было учреждено Степное генерал-губернаторство, к которому перешла территория Семиреченской области, выведенная из Туркестанской, принципы регулирования религиозной жизни кочевников Степного края оказались разными, поскольку в Семиреченской области продолжало действовать «Временное Положение об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей» 1867 г., которое вообще никаким образом религиозную жизнь не регулировало. В результате в течение почти девяти лет (т. е. с 1882 по 1891 г.) кочевое население степных областей имело ограниченное законом число мулл, мечетей, мектебов и т. п., тогда как казахи в Семиреченской области могли иметь все это в любом нужном количестве.

Таким образом, начиная с 1868 г. казахи степных областей были отделены от остального мусульманского мира империи. Система контроля и функционирования исламской духовной сферы кочевников была полностью сосредоточена в руках местной администрации, которая таким образом пыталась установить имперские порядки в крае.

В этот период два документа отчетливо характеризуют действия царских властей по противодействию мусульманской религии и по осуществлению государственного контроля над исламом — извлечение из отчета генерал-адъютанта Н. А. Крыжановского по управлению Оренбургским краем с февраля 1865 до марта 1866 г. и извлечение из годового отчета военного губернатора Уральской области Н. А. Веревкина о состоянии области за 1869 г. Н. А. Крыжановский, определяя религиозную ситуацию в крае, приходит к тому, что здесь насчитывалось «2 миллиона магометан и язычников, около 1,5 миллиона христиан немалое число принадлежит расколу». Такая ситуация, по его мнению, вредная и будет препятствовать проведению здесь политики имперской власти. Крыжановский пишет: «Несомненно, что такое разнообразие верований имеет вредное влияние на нравственную и политическую жизнь народа и потому все действия местного начальства должны клониться к тому, чтобы уменьшать различными мерами как самый корень зла, т. е. разнообразие в вере, так и вредные результаты этого разнообразия». Царский чиновник предлагает сохранять в некоторой степени принцип веротерпимости, но до тех пор, пока это не препятствует идеям государства. Крыжановский также говорит об отрицательном влиянии на казахов татарского духовенства и татарских школ, которые «занимаются лишь укреплением фанатизма и изуверства всякого рода». Далее он предлагает меры, направленные против дальнейшего рас-

пространения и укрепления исламизма. По его мнению, необходимо было назначить в состав Оренбургского магометанского духовного собрания человека от правительства из русских чиновников, который должен контролировать все духовные дела. Ограничение ислама сводилось и к тому, чтобы избираемые муллы знали русский язык и вели записи в метрических книгах на русском языке. Чиновник предлагал постепенно уменьшать количество мечетей и духовных лиц, установить контроль над татарскими школами и в дальнейшем использовать их для распространения в народе русской грамотности [16, с. 35–36]. Военный губернатор Уральской области Н. А. Веревкин предлагал установить строгий контроль за деятельностью татарского и среднеазиатского населения в области и полностью заменить их влияние на казахов русским влиянием [16, с. 38].

26 марта 1870 г. были приняты «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Правила призывали к обязательному открытию классов русского языка при мусульманских учебных заведениях. Закон требовал, чтобы инспекторы народных училищ «во-первых, располагали местные магометанские общества к учреждению, на собственные средства, классов русского языка при мектебов и медресе. Во-вторых, не позволяли открытие новых мектебов и медресе иначе, как с обязательством иметь при них учителя русского языка за счет магометанских обществ. В-третьих, следили за духом преподавания в мектебах и медресе, имели надзор за учебными книгами, употребляемыми в них, не допуская заграничных изданий...» [9, с. 76]. С 1874 г. все школы в казахских степях были в ведении Министерства народного просвещения. Начал работу Петербургский цензурный комитет.

После положения 1868 г. законодательство по духовной сфере степных казахов не оставалось единым для всех. Ситуация выровнялась с 25 марта 1891 г., когда император Александр III утвердил новое «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей». Документ содержал всего четыре статьи, определявшие принцип религиозной жизни кочевников. Он сохранил принцип: «одна волость — один мулла», формально упростился порядок избрания мулл, не устанавливалось никаких требований к личным качествам претендентов, не упоминалось ни об «общественных приговорах» об избрании мулл, ни о правах уездных начальников и областных правлений по отношению к ним.

Положение декларировало: «Муллы избираются инородцами из своей среды. Утверждение избранного лица в звании муллы, а также устранение его от сего звания принадлежит военному губернатору». Таким образом, формально протоколы об избрании мулл можно было напрямую направлять для утверждения военному губернатору. Тем не менее избрание мулл по-прежнему осуществлялось после предварительных консультаций с волостным и уездным начальством.

Степное положение 1891 г., в отличие от предшествовавшего, не содержало норм по обеспечению мулл за счет «приходов» и о возможности последним уплачивать за них подати, хотя практика осталась прежней. Были сохранены нормы, касающиеся открытия мечетей и религиозных школ, в том числе в части запрета принуждать население делать взносы на их счет; сохранился и запрет на учреждение вакуфов.

Положение 1891 г. внесло мало нового в религиозную жизнь кочевого населения степных областей. Можно сказать, что данный конфессиональный курс правительства оставался неизменным вплоть до 1917 г.

С 80-х гг. XIX в. прекратилось наступление на конфессиональные школы. Более того, 5 февраля 1882 г. Александр III предписал учебным властям оставить мектебы и медресе в прежнем положении и ограничиться лишь сбором статистических сведений. Причиной этому явилось начало трансформации конфессиональных школ в национальные общеобразовательные школы, получившие название «джадидистские». Введение русского языка в учебный процесс мектебов и медресе имело не входивший в планы правительства результат. С одной стороны, знание русского языка способствовало расширению кругозора учащихся мектебов, пробуждению в них интереса к истории и культуре своего народа, формированию национальной интеллигенции, а с другой — оно наглядно показало местному населению отсталость учебной программы конфессиональных школ и необходимость ее модернизации. Поэтому правительство встало на путь поддержки старометодных мектебов и медресе. Для него также было важно не допустить распространения новометодных школ, поддерживаемых татарами среди казахского населения. В связи с этим стали предприниматься меры по обучению татар в учительских школах отдельно от казахов. Правительство в 1892 г. издало циркуляр, согласно которому в национальных школах могли быть использованы печатные книги, одобренные русской цензурой. При этом к преподаванию допускались только российские поданные, получившие образование в России. Более того, министр внутренних дел граф Г. Толстой в 1883 г. издал распоряжение, основное содержание которого сводилось к тому, что «в целях ограничения дальнейшего развития исламизации построение новых мечетей для киргизов нежелательно [12, с. 116].

Подводя краткий итог, можно сказать следующее. В период XVIII–XIX вв. религиозная политика Российской империи в казахской степи прошла через три этапа: 1) с начала присоединения Младшего жуза до 70-х гг. XVIII в., когда правительство, в целом сохраняя *status quo* в отношении духовной жизни казахов, косвенно различными путями стимулировало распространение и укрепление ислама среди казахов; 2) постепенно, а с 1787 г. и до 60-х гг. XIX в. особенно, правительство стало признавать, что ислам может стать эффективным средством на пути включения казахов в состав российской государственности и укрепления империи. Усилия по укреплению верноподданнических чувств по отношению к Российскому государству можно рассматривать как усилия на пути аккультурации казахов-кочевников, приспособления последних к новым нормам и правилам жизни. При этом сохранялась этническая самость казахов наряду с растущим проникновением норм иной гражданской культуры; 3) с середины XIX в. и до конца столетия политика существенно трансформировалась, приводя к постепенному ограничению распространения и влияния ислама в степи. Благодаря различным шагам правительства казахи степных областей постепенно стали отрываться от остального мусульманского мира империи, что не могло не вызвать обратной реакции и способствовать проникновению в степь различных общественно-политических течений,

в том числе пантюркизма и панисламизма. На что правительство отреагировало, в пику джадидам, активной поддержкой кадимистов, т. е. стало поддерживать тех, кто отрицал идею модернизации в исламе, тем самым правительство надеялось сохранить целостность империи. Таким образом, от политики стимулирования и распространения ислама среди казахов власть перешла к политике сдерживания и постепенно прямых или, чаще, латентных запретов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Валиханов Ч. Ч.* Заметки по истории южносибирских племен // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 1. С. 294–305.
2. *Валиханов Ч. Ч.* Записка о судебной реформе / Избранные произведения. М.: Наука, 1986. С. 318–342.
3. *Воробьева Е. И.* Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. — 1917 г.) // Исторический ежегодник. Омск, 1997. С. 40–55.
4. Высочайшее утвержденное положение Комитета Министров, 12 марта 1835 г. О предоставлении приезжающим в Семипалатинск Азиатцам права испрашивать по духовным их делам разрешения от гражданского начальства // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 111–114.
5. *Загидуллин И. К.* Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 416 с.
6. *Ковальская С. И.* Ислам у казахов // Край Оренбургский. Праведной дорогой ислама. Оренбург: Орлит-А, 2007. С. 23–25.
7. Манифест Высочайший 24 октября 1817 г. Учреждение Министерства Духовных дел и Народного Просвещения // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. С. 70–71.
8. Наказ, данный Комиссии о сочинении Нового Уложения 30 июля 1767 г. // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. С. 44–45.
9. *Нургалиева А. М.* Очерки по истории ислама в Казахстане. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 224 с.
10. Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху / ред. С. М. Иванов. СПб., 1996. 154 с.
11. *Рыбаков С. Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. С. 267–315.
12. *Султангалиева Г. С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII начало XX вв.). Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. 262 с.
13. Указ Именной, данный Генерал-поручику барону Игельстрому 21 апреля 1787 г. О доставлении Киргиз-Кайсакам в случаях между ними распрях и жалобах скорого и справедливого удовлетворения, и о снабжении их потребным числом Мулл // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. С. 49–50.

14. Указ Именной, объявленный Генерал-прокурором 21 декабря 1797 г. О разсылке напечатанного на арабском языке Алкорана для продажи в те Губернии, где населены народы магометанского исповедания // *Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор ввводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. С. 59–60.*
15. Указ Синода о терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиепископам вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам 17 июня 1773 г. // *Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и автор ввводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. С. 45–46.*
16. *Шаблей П.* Власть и ислам в Оренбургском крае и Казахстане // *Казакстан мұрағаттары.* 2009. 4 (12). С. 32–38.
17. *Центральная Азия в составе Российской империи.* М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

REFERENCES

1. *Valikhanov Ch. Ch. Zаметki po istorii yuzhnosibirskikh plemen // Valikhanov Ch. Ch. Sobranie sochineniy: v 5 t. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoj entsiklopedii, 1984. T. 1. S. 294–305.*
2. *Valikhanov Ch. Ch. Zapiska o sudebnoy reforme / Izbrannye proizvedeniya. M.: Nauka, 1986. S. 318–342.*
3. *Vorob'yova E. I. Vlast' i musul'manskoe dukhovenstvo v Rossiyskoj imperii (vtoraya polovina XIX v. — 1917 g.) // Istoricheskiy yezhegodnik. Omsk, 1997. S. 40–55.*
4. *Vysochaysheye utverzhdennoe polozenie Komiteta Ministrov, 12 marta 1835 g. O predostavlenii priezhhayushchim v Semipalatinsk Aziattsam prava isprashivat' po dukhovnym ikh delam razresheniya ot grazhdanskogo nachal'stva // Islam v Rossiyskoj imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika). M., 2001. S. 111–114.*
5. *Zagidullin I. K. Islamskie instituty v Rossiyskoj imperii: mecheti v evropeyskoj chasti Rossii i Sibiri. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2007. 416 s.*
6. *Koval'skaya S. I. Islam u kazakhov // Kray Orenburgskiy. Pravednoy dorogoy islama. Orenburg: Orlit-A, 2007. S. 23–25.*
7. *Manifest Vysochayshiy 24 oktyabrya 1817 g. Uchrezhdenie Ministerstva Dukhovnykh del i Narodnogo Prosveshcheniya // Islam v Rossiyskoj imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika) / sost. i avtor vvodnoy stat'i, kommentariy i prilozheniy D. Yu. Arapov. M.: IKTs «Akademkniga», 2001. S. 70–71.*
8. *Nakaz, dannyi Komissii o sochinenii Novogo Ulozheniya 30 iyulya 1767 g. // Islam v Rossiyskoj imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika) / sost. i avtor vvodnoy stat'i, kommentariy i prilozheniy D. Yu. Arapov. M.: IKTs «Akademkniga», 2001. S. 44–45.*
9. *Nurgaliev A. M. Ocherki po istorii islama v Kazakhstane. Almaty: Dayk-Press, 2005. 224 s.*
10. *Rossiya, Zapad i musul'manskiy Vostok v kolonial'nyu epokhu / red. S. M. Ivanov. SPb., 1996. 154 s.*
11. *Rybakov S. G. Ustroystvo i nuzhdy upravleniya dukhovnymi delami musul'man v Rossii // Islam v Rossiyskoj imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika) / sost. i avtor vvodnoy stat'i, kommentariy i prilozheniy D. Yu. Arapov. M.: IKTs «Akademkniga», 2001. S. 267–315.*
12. *Sultangaliev G. S. Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII nachalo XX vv.). Ufa: RIO RUNMTs Goskomnauki RB, 2002. 262 s.*

13. Ukaz Imennoy, dannyi General-poruchiku baronu Igel'stomu 21 aprelya 1787 g. O dostavlenii Kirgiz-Kaysakam v sluchayakh mezhdru nimi raspryakh i zhalobakh skorogo i spravedlivogo udovletvoreniya, i o snabzhenii ikh potrebnym chislom Mull // Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika) / sost. i avtor vvodnoy stat'i, kommentariy D. Yu. Arapov. M.: IKTs «Akademkniga», 2001. S. 49–50.

14. Ukaz Imennoy, ob'yavlenniy General-prokurorom 21 dekabrya 1797 g. O razsylke napechatannogo na arabskom yazyke Alkorana dlya prodazhi v te Gubernii, gde naseleny narody magometanskogo ispovedaniya // Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika) / sost. i avtor vvodnoy stat'i, kommentariy i prilozheniy D. Yu. Arapov. M.: IKTs «Akademkniga», 2001. S. 59–60.

15. Ukaz Sinoda o terpimosti vsekh veroispovedaniy i o zapreshchenii Arkhieriyam vstupat' v raznye dela, kasayushchiesya do inoverykh ispovedaniy i do postroeniya po ikh zakonu molitvennykh domov, predostavlyaya vse sie svetskim nachal'stvam 17 iyunya 1773 g. // Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika) / sost. i avtor vvodnoy stat'i, kommentariy i prilozheniy D. Yu. Arapov. M.: IKTs «Akademkniga», 2001. S. 45–46.

16. *Shabley P.* Vlast' i islam v Orenburgskom krae i Kazakhstane // Kazakstan myrafattary. 2009. 4 (12). S. 32–38.

17. Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 464 s.

Ковальская Светлана Ивановна

Доктор исторических наук.

Научная отрасль: историография, источниковедение и методы научного исследования.

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, профессор кафедры истории Казахстана.

E-mail: skovalsk@mail.ru

Любичанковский Сергей Валентинович

Доктор исторических наук.

Научная отрасль: отечественная история.

Оренбургский государственный педагогический университет, профессор, заведующий кафедрой истории России.

E-mail: svlubich@yandex.ru